

Было очевидно, что просто принять подобное извинение было не лучшим выбором.

Но если не принять его, как знать, не разозлится ли этот альфа еще больше от досады.

Иногда я все же люблю рискнуть, поэтому лишь усмехнулась. И усмехнулась так, что у Цзян Сэня даже выражение лица стало странным.

Выражение лица Цзян Сэня постепенно становилось холоднее, а сила, с которой он сжимал мое запястье, ослабла. Он явно был в замешательстве. Через несколько секунд он вернул себе прежний высокомерный вид и снова произнес:

— Я ошибался в тебе.

Естественно, он опустил повторное извинение.

Если сейчас промолчать, точно случится беда.

Я убрала улыбку и серьезно сказала:

— Я не принимаю твоих извинений, вернее, что принимать их, что не принимать — разницы нет. Я не такая, как ты, я обычный человек, простой бедняк, что я могу поделать?

— Я возмещу тебе ущерб, — сказал Цзян Сэнь.

Я видела, как его тонкие губы, произнося эти слова, подрагивали вместе с лицевыми мышцами, выдавая в нем некоторое неприятие.

Умора, чем ты опять недоволен? Обиделся на то, что какой-то безродный и бесправный маленький человек отказал тебе, и твое самолюбие пострадало?

Цзян Сэнь, почувствовав эмоции в моем молчании, попытался оправдаться:

— Конечно, я знаю, что ты можешь найти работу, но ты же понимаешь разницу между работой и подработкой. Я могу найти для тебя подходящую должность, относительно несложную, и с более высокой зарплатой. Это будет и моей компенсацией, и твоим вознаграждением... При условии, что ты примешь извинения и пообещаешь после окончания этого дела больше никогда не контактировать с Алленом.

Цзян Сэнь дал дополнительное определение этому «вознаграждению».

— Эх, — я вздохнула и положила руку ему на плечо.

Цзян Сэнь явно почувствовал неловкость. Он слегка отвернулся и уставился на мою руку:

— Ты... ммф!

Его недоумение оборвалось на глухом выдохе, потому что я со всей силы врезала ему кулаком в живот. На его лице на мгновение отразилась пустота, зрачки дрожали несколько секунд, а растерянное выражение лица сменилось на изумление, а затем на гнев.

Цзян Сэнь согнулся, его веки задергались, уголки глаз покраснели. Он закричал на меня:

— Ты с ума сошла?!

Ему явно было больно, и он даже пошатнулся, делая пару шагов назад.

Если не избить его сейчас, потом у меня уже не будет шанса, нужно ковать железо, пока горячо! Я не отпустила руку и, пока он еще не до конца осознал, что происходит, снова изо всех сил ударила его.

Цзян Сэнь запрокинул голову, снова подавил боль, отшвырнул мою руку и уже занес кулак, но я схватила его и оттолкнула назад.

Мы с ним были похожи на практикующих тайцзи, когда, покачиваясь, добирались до машины.

После глухого удара «бум!» я прижала Цзян Сэня к машине.

Назови меня старшей сестрой, и твоя жизнь...

Нет, не та фраза.

Альфа, ты привлек мое вним...

Черт, и это не то.

Прижимая его к кузову машины, я лихорадочно пролистывала в голове архив диалогов и наконец нашла подходящие слова. Но едва я их подобрала, как он вырвался и схватил меня. В одно движение он завел мне руки за спину.

Бум!

Снова глухой удар. Его рука прижала мой затылок к машине.

— Неблагодарная тварь, — пробормотал Цзян Сэнь.

Я изо всех сил попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть на него, и рассмеялась:

— Прости.

Цзян Сэнь опешил:

— Что?

— Прости, я приношу тебе свои извинения. Я думала, ты один из тех, кто любит помыкать другими, пользуясь своей властью. Я ошиблась в тебе.

В тот миг, когда я закончила говорить, он сильнее вдавил мою голову. В этот момент плоть на моем лице сплющилась, но я не смогла сдержать громкого смеха:

— Чего ты такой злой? Я испытываю боль от несправедливости по восемьдесят раз на дню, но я не злюсь, потому что моя жизнь может быть только такой. Несправедливость, гнев, обиду — все это можно только проглотить, они ведь всего лишь корм для скота, разве не так? Если бы у меня было более высокое положение, чем у тебя, я бы тоже нашла для тебя получше работу, может, даже устроила бы тебя в архонты, управлял бы городом! И тогда ты уж точно принял бы мои искренние извинения, правда?

Выражение лица Цзян Сэня изменилось:

— Ты...

— Я такой же человек, как и ты, почему такая разница, да? — перебила я его. — Или же разницы нет, просто ты считаешь, что я по праву слабого должна принять такую сделку?

Гнев Цзян Сэня постепенно угас, что выразилось в том, что он отпустил меня.

Я снова, словно пиявка, медленно сползла по машине вниз. Болит, черт возьми, как же все болит.

Этот тип явно тренировался, какая несправедливость.

Я присела на корточки, растирая руку.

Прохладный ночной ветерок пролетел мимо. Цзян Сэнь опустил голову, линия его подбородка по-прежнему была четкой и красивой. Он снял перчатку, наклонился и протянул ко мне свою

руку с аккуратно подстриженными ногтями и выразительными суставами:

— Прости.

Я тоже протянула руку.

Он помог мне подняться.

Цзян Сэнь явно снова пережил смертельную схватку между гордостью и совестью. И, конечно же, на этот раз его совесть снова взяла верх.

Я посмотрела на него и сказала:

— Я прощаю тебя, — добавила: — За этот раз, прошлый раз, каждый раз.

Кажется, у Цзян Сэня уже был готов ответ, потому что, когда он услышал мои слова, на его лице появилось изумление. Его уже открытый было рот снова закрылся, будто он искал подходящую реакцию.

Малыш, я всегда наношу удары без всякой системности, главное тут — внезапность.

Цзян Сэнь собрался с мыслями, прежде чем спросить:

— Почему?

Он, в общем-то, уже знал ответ, но, очевидно, в этот момент потерял уверенность и хотел свериться с моими словами.

— Ты ударил меня, я ударила тебя — все честно.

В этой словесной дуэли я сначала использовала стандартное фразу, чтобы поддразнить и перейти к серьезному примирению, а затем быстро отменила его и нанесла настоящий «удар»:

— Но я вижу, ты уже проявил неожиданную готовность извиниться, а для человека твоего положения это непросто, поэтому я прощаю тебя. Вообще, не нужно было тебе ничего говорить, не нужно было предлагать устраивать меня на работу, даже извиняться не нужно. После того, как все закончится, я тоже не буду приближаться к Аллену. Можно сказать, то, что я смогла тебя пару раз ударить — это моя награда.

Цзян Сэнь молча слушал, не зная, улыбнуться ли ему на такой ответ или нет, а затем сказал:

— Теперь я понимаю, что ты за человек. Какая уверенность! А мне нравится. Желаю тебе всегда оставаться таким.

Я моргнула, глупо улыбаясь.

Атмосфера в этот момент была несколько неловкой, ведь мы не бумажные персонажи из романа, чтобы сразу стать закадычными друзьями.

Думаю, Цзян Сэнь думал так же, потому что он попытался пошутить со мной и рассказал очень несмешную шутку.

Он сказал:

— Вообще-то для меня должность архонта — не та работа, которой стоит ждать с нетерпением.

У меня аж зубы скрипнули.

В моих глазах эта работа была карьерой земного императора*.

П.п. Выше только Небесный Император, то есть бог.

Вот уж действительно получилось, как в поговорке: «вообразить, как наложница императора печет лепешки»*. Смешно, хоть помирай от смеха, ха-ха.

П.п.: Идиома, высмеивающая наивные и идеализированные представления бедняков о жизни богатых и знатных.

С того вечера мы с Цзян Сэнем виделись всего раз или два, да и то просто стояли и болтали. Обычно это происходило так: он приезжал навестить Аллену, встречал меня, мы немного общались, затем он поднимался наверх к Аллену, а через три минуты спускался обратно с новыми синяками и продолжал разговаривать со мной, после чего уезжал.

Я была как NPC, который вечно дежурит у входа.

Этот раз не стал исключением. Цзян Сэнь, как обычно, выходил с мрачным лицом. Его взгляд встретился с моим у входа в больницу, и его гнев понемногу рассеялся, оставив лишь легкое раздражение.

Цзян Сэнь направлялся ко мне и, еще не подойдя, сказал:

— Как ты это терпишь?

Я только достала сигарету, еще не успев ответить, как он уже наклонился ко мне:

— Неужели сигареты так сильно затягивают? Дай одну.

Черт возьми, у тебя же денег куры не клюют, чего ты у меня просишь? У меня и правда нет денег, каждая сигарета на счету.

Я встряхнула пачку и обнаружила, что она пуста. Ничего не говоря, я просто похлопала по ступеньке рядом.

Цзян Сэнь нахмурился, но все же с неохотой сел.

Я сказала:

— Чувства разве не подразумевают, что ты не властен над собой? Как, например, он любит тебя, а ты не можешь его выносить.

— Какая же это любовь? — Цзян Сэнь явно испытывал дискомфорт, произнося такие слова. На слове «любовь» он даже запнулся, с типичным для избалованного аристократа недоверием в голосе. — Сейчас мне кажется, что он просто смертельно меня ненавидит и хочет только мучить.

Цзян Сэнь сделал паузу и добавил:

— И почему он все еще не оставит попыток разозлить меня с помощью тебя? Даже... теперь, когда мы, можно сказать, друзья.

Я улыбнулась, поправила одежду и украдкой принюхалась.

Хотя я знала, что следов он, наверное, не увидит, но все равно было неловко.

Я, конечно, не имею такой склонности, но Аллен и правда довольно навязчив. Даже если учесть, что он не доводил нашу близость до метки, он казался одержимым стремлением к некоторым проявлениям близости. Например, к объятиям, поцелуям, кусанию моей железы.

Я предполагаю, что это может сепарационная тревога, которая бывает у детей в разлуке с родителями.